

ВРЕМЯ ВАДИМА СОЛОВЬЕВА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ОЧЕРЕДНОЙ (И ПОСЛЕДНИЙ!) ГЕНСЕК ЦК КПСС МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ ОБЪЯВИЛ ТАК НАЗЫВАЕМУЮ «ПЕРЕСТРОЙКУ», КОТОРАЯ В КРАТЧАЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СРОКИ ПРИВЕЛА К КАРДИНАЛЬНОМУ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ, ПОЛИТИЧЕСКОМУ, ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЮ ОГРОМНОЙ СТРАНЫ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРЕРАБОТКЕ КАЖДОГО ЕЁ ГРАЖДАНИНА. ОДНИМ ИЗ АКТОРОВ ЭТОГО ПРОЦЕССА СТАЛ КРУПНЫЙ ЧЕЛЯБИНСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ВАДИМ ПАВЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ, КОТОРЫЙ ОСТАНЕТСЯ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ КАК ПЕРВЫЙ ГУБЕРНАТОР ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ С ОКТЯБРЯ 1991-ГО ПО ДЕКАБРЬ 1996 ГОДА.

В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ «ЖК – НАЧАЛО КОНЦА» – ПРЕДПРИНИМАЕТСЯ ПОПЫТКА СУБЪЕКТИВНОГО АНАЛИЗА НАШЕГО НЕДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО В ВОСПОМИНАНИЯХ РЯДА САМЫХ РАЗНЫХ «ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ», КОТОРЫМ ТАК КРУТО ПОВЕЗЛО ЖИТЬ В «ЭПОХУ ПЕРЕМЕН». В ПРЕДЫДУЩЕМ НОМЕРЕ БК В СТАТЬЕ «ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ» СВОИМИ СУЖДЕНИЯМИ ПОДЕЛИЛСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВУЗА – ФИЛОСОФ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ЛИПСКИЙ, КОТОРЫЙ БЫЛ ВОСТРЕБОВАН ПРЕЖНЕЙ ВЛАСТЬЮ В КАЧЕСТВЕ СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА КПСС ПО ИДЕОЛОГИИ, А НОВОЙ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТЬЮ» В КАЧЕСТВЕ ОПОРНОЙ ФИГУРЫ В АДМИНИСТРАЦИИ ПЕРВОГО ГУБЕРНАТОРА. А СЕГОДНЯ УЖЕ САМ ВАДИМ СОЛОВЬЕВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОЮ ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ПРЕДПОСЫЛОК «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ЕЕ ПЕРВЫЙ ЭТАП, СТАВШИЙ, ПО СУТИ, «ПОСЛЕДНИМ ВЗДОХОМ» СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

В описании истории нашего государства принято опираться на какие-то вехи — до и после революции, до и после войны, до и после 1991 года. В значительной мере на протяжении семидесяти лет XX века интерпретация отечественной истории носила идеологизированный характер. И для этого власть мобилизовала ученых, писателей, деятелей культуры и колоссальный пропагандистский аппарат.

Большая часть населения принимала все должным образом: «Как хорошо в стране советской жить!..» Правда, «строители коммунизма» не имели даже ми-

На высокой трибуне. Улан-Батор, 1982

нимального представления о том, как живут люди во всем мире, особенно в развитых странах — в Западной Европе, США, Японии.

Научно-технические прорывы в XX веке существенно изменили общественное производство и экономические отношения. У людей появились широкие возможности жить достаточно благополучно, причем не только в развитых капиталистических странах, но и в так называемых «развивающихся странах», ищущих свое место в глобальном мире.

Сегодня мы невольно сопоставляем условия жизни в современной России и с западными, и с восточными странами, опираясь на исторический контекст. И вполне представляем, что, например, жизнь рабочих и крестьян в царской России до 1917 года была, мягко говоря, несладкой.

Мои предки в начале XX века жили на территории нынешней Курганской области. В деревне сто дворов, у каждой семьи свой кусок земли. В двух зажиточных хозяйствах имелась возможность нанимать людей, остальные работали сами на себя. Дополнительные наделы земли можно было получить только на родившихся сыновей. На дочерей не полагалось. В семье — от четырех до двадцати детей.

Люди жили тяжелейшим, адским трудом. Женщина рожала и на третий день выходила на покос. Никаких запоев, упаси господь! Никаких болезней! Ничего лишнего не было. Одна «лопатина» (одежда) на нескольких членов семьи. Прежде чем идти на улицу в мороз, надо было дождаться своей очереди. Летом детям попроще: можно босиком, без штанов...

Октябрьская революция и Гражданская война стали жестоким испытанием для всего народа. Сталинская индустриализация и коллективизация разрушили сельскохозяйственное производство, нанеся страшный удар по генофонду страны. Мои родители были вынуждены покинуть коммуну в Курганской области. Приехали в Челябинск с двумя детьми в поисках работы и крова. Дети погибли, когда в конце сентября начались заморозки.

На рубеже 1920–1930-х годов в Челябинской области развернулось строительство крупных промышленных предприятий. Челябинский тракторный завод и Магнитогорский металлургический комбинат стали «флагманами социалистической индустрии» или, выражаясь современным языком, настоящими брендами Южного Урала, известными на всю страну и за ее пределы.

Тяжелая промышленность нуждалась в рабочих руках. Тысячи людей по призыву партии и правительства покидали родные места, приезжали на строительство промышленных гигантов, получали инженерное образование, рабочие специальности и оставались жить и работать в городах.

Опустели окрестные деревни, сельчане бросали свои убитые хозяйства, и мой отец из Курганской области перебрался в Челябинск. Вначале он устроился на работу в «Челябстрой», потом на ЧТЗ, а семья поселилась в одном из барачных «Челябстроа» — их было несколько сотен в районе нынешнего магазина «Грезы» на улице Воровского...

Если в 1920-е годы население Челябинска составляло всего 60 тысяч человек, то перед войной — около 250 тысяч, а уже во время войны достигло миллиона за счет эвакуации из западных и центральных территорий страны крупных предприятий и учреждений. Правда, после войны многие эвакуированные вернулись в родные места или отправились по вербовке осваивать Север и Сибирь — население Челябинска заметно сократилось. Только в 1977-м число челябинцев опять превысило миллион.

По официальным статистическим данным, до и после Отечественной войны 82% объема промышленного производства было связано с оборонными заказами. Производство товаров народного потребления (группа Б) было крайне ограничено. Все силы и ресурсы мы вкладывали в ракеты, в ядерное оружие, в танковые армады, в караваны боевых кораблей и подводных лодок. Наряду с низкой производительностью труда такой перекося в экономике тормозил развитие страны, что привело к серьезному отставанию от западных стран.

В период Карибского кризиса у нас было 300 единиц ядерного оружия, а у США — 3000. Но уже к семидесятым годам между нами практически сложился паритет на уровне 30 тысяч единиц у каждой из сторон. На

Дворец съездов. Москва, 1983

Южном Урале были сосредоточены важнейшие производства Министерства среднего машиностроения и Министерства общего машиностроения, то есть атомной и ракетной отраслей. В закрытых атомградах (Челябинск-65, Челябинск-70, Златоуст-36) ковался «атомный щит», а в Миассе и Златоусте развернулось производство баллистических ракет морского базирования, то есть «средств доставки» ядерных зарядов до территории потенциального противника.

Челябинская область, по сути, превратилась в так называемый «стратегический кластер». А, например, в соседней Свердловской области только производственные мощности одного нижнетагильского промышленного гиганта — «Уралвагонзавода» — позволяли выпускать до 3000 (!) танков в год — столько их было в целом на вооружении Франции. Кстати, сотни танков Т-72 в год делались и у нас на ЧТЗ до передачи этого производства в Нижний Тагил. Да и вообще весь Урал и Зауралье — Пермский край, Башкирия, Курганская и Оренбургская области — в значительной степени были сориентированы на развитие оборонных отраслей промышленности.

В шестидесятые годы я работал на ЧТЗ, где тогда выпускались модификации тяжелого танка Т-10 и боевые машины пехоты. И, конечно, трактора: свыше 30 тысяч Т-100м и до 500 штук ДЭТ-250 в год! Когда в конце 1980-х годов при Горбачеве из Германии выводились советские войска, наша техника исчислялась сотнями тысяч. А ведь на все были нужны рабочие руки, огромное производство металла, станков, машин... Магнитогорцы выплавляли около 18 млн. тонн стали, 16 млн. тонн проката, вся Челябинская область — более 25 млн. тонн стали. Челябинский металлургический завод производил качественный металл для авиа- и ракетостроения. Уму непостижимо — сколько мы делали танков, ракет, самолетов, бомб, снарядов!..

Совсем юношей я сознательно вступил в КПСС и был активным членом партии. На посты и должности не напрашивался, карьера шла сама собой. Все годы учебы в техникуме исполнял обязанности старосты. В девятнад-

XIX партийная конференция. Москва, 1988

цать стал мастером и старшим мастером на производстве танковых моторов. В двадцать один год — секретарь парторганизации, начальник технологического бюро, до 1973 года секретарь комитета ВЛКСМ ЧТЗ. Потом второй и с 1974 года первый секретарь Челябинского горкома комсомола, а с 1977-го по 1980-й — первый секретарь обкома комсомола. Далее в течение четырех лет в Москве — заведующий отделом комсомольских органов в ЦК ВЛКСМ. В 1984-м по просьбе первого секретаря обкома Геннадия Георгиевича Ведерникова я вернулся в Челябинск на руководящую партийную работу...

Вот почему я имел достаточно полное представление о том, что происходит в нашей стране в целом и в Челябинской области в частности. Совсем еще молодым человеком я получил доступ к информации, скрытой от широкой общественности. Работая в Москве, а потом первым секретарем Челябинского горкома партии, я получал специальные бюллетени для сведения членов бюро обкома партии. Нас знакомили с секретными протоколами Политбюро и Секретариата ЦК КПСС и с некоторыми документами КГБ, где, в частности, говорилось

о жутких преступлениях и злоупотреблениях — фактически вскрывалось реальное положение в стране.

В декабре 1979-го на закрытом заседании бюро Челябинского обкома партии первый секретарь Михаил Гаврилович Воропаев информировал нас о предстоящем вводе в Афганистан нашего «ограниченного контингента». А, например, в 1982-м членов бюро ЦК ВЛКСМ знакомили с секретной запиской Юрия Владимировича Андропова в Политбюро ЦК КПСС, изобличающей грубые злоупотребления и нарушения «социалистической законности» в стране и конкретно в Министерстве внутренних дел, которым целых 16 лет руководил Николай Анисимович Щелоков...

С 1980-го я жил в Москве и работал в ЦК ВЛКСМ. Кстати, этот главный комсомольский орган около десяти лет — с 1968 по 1977 год — возглавлял наш земляк Евгений Михайлович Тяжелников, уроженец села Верхняя Санарка Пластовского района. В 1950-м он с отличием окончил Челябинский пединститут, позже работал его ректором, секретарем Челябинского обкома партии. На посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ его сменил Борис

Николаевич Пастухов, который в 1982 году возглавил Государственный комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. То есть первые годы в Москве я работал под его началом, а далее ЦК комсомола возглавил Виктор Максимович Мишин...

Главный комсомольский орган страны был серьезной, важной структурой. Его численность составляла около 400 человек. Кроме первого секретаря, было еще 8–9 секретарей по отдельным направлениям. Я возглавлял Отдел комсомольских органов, у меня было 6 заместителей, курирующих 19 секторов, охватывающих буквально все территории. Примерно половина «личного состава» ЦК работала в нашем отделе, все важные документы по определению должны были визироваться у нас в отделе. Поэтому я имел возможность получать и анализировать эксклюзивную информацию, дающую представление о том, что происходило в стране.

В начале 1980-х годов за молодыми советскими руководителями особенно внимательно наблюдали на Западе. Я это хорошо прочувствовал на себе. Нас нередко приглашали на какие-то приемы и встречи в посольства США, Британии, Франции, ФРГ и других стран, где присматривались к тем, кто будет играть первые роли после естественного ухода старых политиков. В 1985-м одиннадцать бывших комсомольских вожakov пригласили в США. Среди нас были в недавнем прошлом первые секретари ЦК комсомола союзных республик, один из которых уже возглавил КГБ Казахстана, другой стал

заместителем председателя Совета министров Белоруссии, а я работал вторым секретарем Челябинского горкома партии.

В Вашингтоне нас встречали как почетных гостей, в Овальном кабинете Белого дома нас принял Патрик Бьюкенен, руководитель отдела по связям с общественностью в администрации президента США Рональда Рейгана. Потом нам показали Нью-Йоркскую биржу, организовали встречи с представителями крупного бизнеса в министерстве торговли и т.д. А после возвращения в Союз американское посольство организовало прием в гостинице «Москва», куда были приглашены около 300 молодых руководителей. Мы имели возможность общаться с самыми разными представителями американского истеблишмента...

10 ноября 1982 года умер Леонид Ильич Брежнев — это было как раз в День милиции. Похоронную комиссию возглавил Юрий Владимирович Андропов, который и заменил Брежнева на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Андропов целых 15 лет возглавлял КГБ СССР, но незадолго до развязки в мае 1982 года стал секретарем ЦК КПСС по идеологии вместо легендарного Михаила Андреевича Сулова, умершего в январе 1982-го. Эту процедурную перестановку провели для того, чтобы сохранить видимость приверженности номенклатурному ритуалу.

Митинг в поддержку президента России. Челябинск, площадь Революции, 19 августа 1991

С Егором Гайдаром. Челябинск, 1992

В один из этих исторических дней мне довелось дежурить и принимать участие в написании некролога от ЦК ВЛКСМ на смерть генерального секретаря. Кстати, и в октябре 1980-го я также участвовал в подготовке некролога по поводу смерти Петра Мироновича Машерова, первого секретаря Компартии Белоруссии, погибшего в очень странной автомобильной катастрофе.

Во время погребения Брежнева 14 ноября я, как молодой номенклатурный чин, стоял на левой трибуне мавзолея буквально в двадцати метрах от края могилы. Несколько человек опускали гроб. Возможно, они переполнились от избыточной ответственности — рука у кого-то дрогнула или веревка сорвалась — и гроб уронили. Бах! Я стоял с другом Сашей Бочаровым, заведомо рабочей молодежи (позже он возглавит управление делами ЦК комсомола, будет директором издательства «Молодая гвардия»). На наших глазах все и произошло...

Но драма в том, что Андропов — как и большинство членов Политбюро — был тяжелобольным человеком. Правда, страна успела почувствовать его волю. Начались кадровые перемены в высших органах партийной и государственной власти; был нанесен удар по торговой

мафии и по ее «милицейской крыше»; в Узбекистане было возбуждено знаменитое «хлопковое дело» и еще ряд громких дел о коррупции в разных эшелонах власти.

Произошли «кадровые чистки» и было заменено несколько первых секретарей обкомов партии, в частности, потерял свой пост весьма влиятельный первый секретарь Краснодарского обкома партии Сергей Федорович Медунов. В то же время в столицу пригласили кого-то из перспективных руководителей из провинции. Но все-таки глубокие преобразования в стране не могли произойти в принципе! Вслед за Андроповым генсеком стал еще более больной человек — Константин Устинович Черненко, который «правил» страной чуть более года — до 10 марта 1985-го...

В начале 1984 года я вернулся в Челябинск. Первым секретарем Челябинского обкома партии был Геннадий Георгиевич Ведерников, председателем горисполкома — Петр Иванович Сумин, а меня избрали вторым секретарем горкома партии с перспективой через год стать первым. Безусловно, московский период сыграл важнейшую роль в моей карьере. В этот период я познакомился, подружился со многими незаурядными политиками, государственными деятелями, сыгравшими заметную роль в обновлении страны. Могу назвать такие имена, которые не нуждаются в особом представлении: Геннадий Селезнев, Андрей Кокошин, Виктор Илюшин и многие другие...

Я думаю, в целом мое мировоззрение оформилось во время учебы в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1984–1987 годах. Последующие годы и события — особенно XIX партийная конференция и I Съезд народных депутатов СССР — укрепили меня в крайней необходимости демократических преобразований в стране. Наконец, осенью 1991-го, когда обозначились политические и экономические реформы, мой путь определился окончательно. Ну, может, где-то чуть влево, где-то чуть вправо, но именно этой дорогой.

Важно и то, что в отличие от многих соотечественников я не воспринимал США и вообще Запад как противника. Уже с начала 1970-х систематически слушал радио «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Свобода». Эти «вражеские голоса» пытались глушить — но я старался их «ловить», чтобы получить какую-то дополнительную информацию. И потом как бы закреплял ее на практике в зарубежных поездках. В 1972-м я полтора месяца провел в Мюнхене в составе нашей делегации на Олимпийских играх. И не было у нас никакой вражды в отношениях с гражданами разных капиталистических и развивающихся стран — мы общались абсолютно нормально.

Таким образом у меня формировалась внутренняя ориентация на дружеские и деловые отношения с за-

падными партнерами. В 1975-м состоялся совместный космический проект СССР и США — «Союз-Аполлон»! Я был восхищен и воодушевлен этим событием. Большинству здравомыслящих людей стало понятно, на что мы способны, если объединим свои усилия и возможности.

Работая в ЦК ВЛКСМ, я ездил за рубеж не менее 3–4 раз в год в составе небольших делегаций. Однажды довелось встретиться с премьер-министром Канады, который после заседания парламента вышел поприветствовать советских товарищей. Тогда же мы побывали на приеме у генерального секретаря компартии Канады Уильяма Каштана и не упустили возможность посетить Ниагарский водопад на границе США и Канады...

А, например, в Германии мне приходилось встречаться с высшим руководством «зеленых». В Москве мы нередко принимали руководителей молодежных организаций со всего мира. У нас было подразделение, которое занималось обучением ребят из Европы, Африки, Ближнего Востока. А ЦК КПСС в партийной академии готовил будущих руководителей левых стран. Мы как бы предметно готовились к тому, что сейчас называется «открытым обществом».

Исторический 1985 год, избрание Михаила Сергеевича Горбачева руководителем партии я лично воспринял как надежду на обновление страны. В Горбачеве подкупала относительная молодость и способность свободно общаться с людьми, декларировать свои идеи. Я обратил внимание, что он еще до своего избрания генсеком встречался с Маргарет Тэтчер, о чем я впервые услышал по «Би-Би-Си», мол, это человек, с которым можно иметь дело.

В 1985-м я работал вторым секретарем горкома партии, а первым — Василий Андреевич Кривошук (его жена была директором знаменитой 31-й физико-математической школы). В 1986-м первый секретарь обкома партии Ведерников рекомендовал Кривошук на должность заместителя председателя Челябинского облисполкома — Евгения Федоровича Куракина, которого в 1988 году ненадолго сменил Борис Михайлович Исав, а его в 1989-м сменил Петр Сумин. Я же в 1986-м вместо Кривошук стал первым секретарем горкома.

Когда Сумин работал руководителем исполнительных органов власти, ему нередко доставалось на бюро обкома партии за какие-то упущения. А я тогда старался настаивать на разделении компетенции партийных и советских органов и повышении роли советов в решении социально-экономических вопросов. В 1986–1989 годах область возглавлял Николай Дмитриевич Швырев, отношения с которым у меня не заладились. Кстати, последним первым секретарем Челябинского обкома КПСС останется в истории Алексей Потапович Литовченко. Он стал первым в 1989 году и оставил свой

пост в 1991-м, когда обрушился коммунистический режим. А сам Алексей Потапович, потрясенный радикальными переменами, ушел из жизни уже в 1992-м...

С Литовченко я сотрудничал с 1984 года как с генеральным директором Челябинского металлургического комбината. Меня, второго секретаря горкома партии, назначили начальником штаба по реконструкции блюминга № 3. Это такое гигантское сооружение — стан для предварительного обжимания стальных слитков большого поперечного сечения в блюмы, то есть заготовку квадратного сечения. Причем его производительность составляла до 17 тысяч тонн в сутки!

На реконструкцию блюминга со всей страны на ЧМЗ прибыли дополнительно 3000 специалистов и рабочих. Мне довелось руководить сложнейшим процессом и добиться конкретного результата в очень жесткие сроки! Прежде всего, надо было из Ленинграда в Челябинск доставить новый двигатель — такой колоссальный агрегат. А еще из Челябинска в Свердловск надо было транспортировать длинную станину, весившую сотни тонн, чтобы заново прострогать направляющие на «Уралмаше». Причем разобрать и заново собрать весь агрегат, не потеряв ни одной гайки, ни одного болта!

И мы смогли весь намеченный план работ выполнить на три дня раньше срока, прокатав дополнительно 40 тысяч тонн металла. Мы знали, что металл очень нужен стране, что он может превратиться в космический аппарат, в самолеты, строительные конструкции, то есть будет построено больше машин, оборудования, жилья... Значит — надо упираться до предела! Ну, так мы думали...

Помню, как в 4 часа утра запускали машину, и все очень волновались: пойдет или нет? Я стоял наверху и смотрел, как внизу катают металл. Это был 1984 год, мне — 37 лет, колоссальные физические и психологические нагрузки... Но они выносились нормально, просто чувствовалась важность и необходимость работы. Вот так вот партийным руководителям нередко приходилось управлять рабочими, мастерами, инженерами. А непосредственные начальники производства учитывали наше мнение, хорошо понимая: если что-то они сделают не так — для них это конец.

В те времена рабочие и служащие получали хоть и небольшую зарплату, но своевременно, без задержек. Вот только покупать было нечего! Правда, например, на ЧТЗ в зависимости от должности и стажа работы распределялась жилплощадь. Как правило, надо было лет 15 проработать на заводе, чтобы поменять или получить жилье. Очередь велась в каждом цехе, а на завкоме (заводском комитете) профсоюзов решалась судьба каждого счастливица. ЧТЗ хоть и строил свои дома, но совсем немного — порядка 15–20 тысяч кв. м, а в отдельные годы — до 40 тысяч кв. м. Для рабочих это был хороший стимул.

Партийным работникам, как правило, приходилось делать конкретные дела и отвечать за результат. Я лично всегда был занят — постоянно какие-то планы, штабы, комиссии, посещение предприятий, кадровые и прочие разборки. Тот же штаб на ЧТЗ проходил почти каждый день, и, как правило, надо было вникать в процесс самым серьезным образом и при необходимости поправлять, порою и в резкой форме...

То же самое и в комсомольские годы. До 1973 года я был комсоргом ЧТЗ, и мы, например, ставили себе задачи по выпуску сверхплановых тракторов, которые по решению премьер-министра А. Н. Косыгина разрешалось передавать в союзные республики. Однажды в обмен мы получили два «ленинградских дома». И в одном из них (длинном доме у парка Победы) жили в полуторке мои родители. Мы тогда понимали экономику так: чем больше мы выпустим тракторов, тем больше будет зерна, а там, глядишь, и жить станет лучше...

Во второй половине 80-х все издержки социалистического хозяйствования стали вылезать наружу, и во многом благодаря такой мощной публицистике, как «Авансы и долги» Николая Шмелева, яркие статьи Отто Лациса, Игоря Клямкина, Игоря Яковенко, «Огонек» Виталия Коротича... Начинаясь интенсивная «переплавка» общественного сознания. Но одно дело — массы, а другое — руководители. Самые заметные статьи для меня являлись настольным материалом. Я всегда делился новыми впечатлениями с Суминым, с которым мы были довольно дружны. Однако ему было сложно согласиться с тем, что в рыночной экономике земля может быть товаром. Как это возможно — «продавать землю»?

Не все было понятно и с так называемой «гласностью», объявленной Михаилом Горбачевым. Гласность предполагала донесение замыслов и объяснение действий высшего руководства партии и государства до широкого круга населения. Большинству руководителей парткомов было не совсем понятно: зачем? Ведь все члены партии, руководствуясь неоспоримым принципом «демократического централизма», просто обязаны соблюдать партийную дисциплину и неукоснительно исполнять все предписания свыше.

В 1987-м, будучи первым секретарем горкома, я и не мог найти общего языка со Швыревым и рядом членов бюро обкома партии. На одном из заседаний обкома я выступил за отмену 6-й статьи Конституции СССР, предусматривающей руководящую роль партии в управлении государством. Опираясь на тезисы Горбачева, я говорил о том, что нам надо внедрять демократические принципы управления, надо перестать руководить всеми средствами массовой информации и т.п.

Члены обкома и сам Швырев с трудом переваривали сказанное мною, в ответ прозвучало: «Нам надо

металлом заниматься!» Я пытаюсь возражать: «Производством металла занимаются металлурги, а мы — партийные руководители — обязаны перестраивать партию, иначе страна зайдет в тупик. Ну не может однопартийная система обеспечить демократическое развитие общества и государства...»

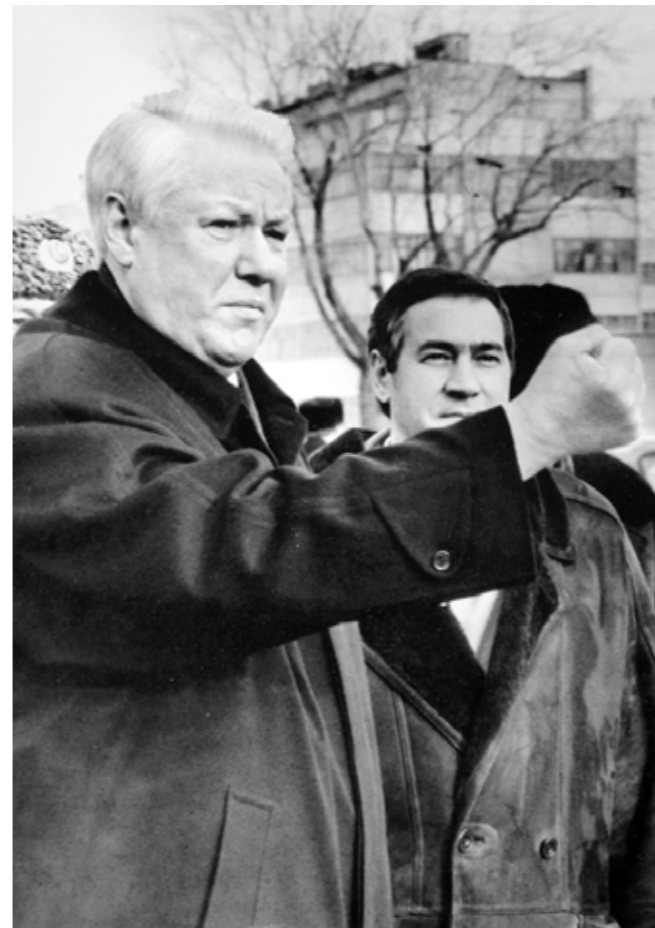
Мое выступление было подвергнуто язвительной критике в «Челябинском рабочем». Автор статьи «Новые социал-демократы», защитивший докторскую диссертацию по «Реакционной сущности Оренбургского казачьего войска», высказался об очевидном вреде моих «антирежимных взглядов». В это время на меня оказывалось огромное давление со стороны некоторых членов обкома, но я только укреплялся в своих взглядах.

И вот в конце июня 1988 года состоялось знаковое событие — XIX партийная конференция, где Горбачев ясно продекларировал курс «на демократизацию советского общества, борьбу с бюрократизмом, гласность и правовую реформу». Во время рабочего заседания я передал лично для Горбачева записку от нескольких челябинских делегатов: «Михаил Сергеевич, посмотрите — кто сидит рядом с вами! С такими великовозрастными людьми невозможно осуществить задуманную перестройку...» В том же духе выступил и Борис Николаевич Ельцин — и мы, уральцы, его бурно поддержали. А вскоре после конференции поменялось большинство членов ЦК. И все-таки в ту пору далеко не все партийные руководители понимали сущность перемен.

Для меня было абсолютно ясно: без демократизации невозможно реформировать общество и экономику — это взаимосвязанные сущности. На конференции крепко досталось главреду «Огонька» Виталию Коротичу за публикацию статьи Маргарет Тэтчер. Зато я принял ту статью как руководство к действию и до сих пор помню ее содержание. В ней были изложены принципы развития рыночной экономики и рекомендации по демократизации общества. И я уже начал думать, что разрешенное у нас «кооперативное движение» есть полумера, которая, скорее, приведет к реставрации прежнего строя. А нам же необходимо пройти какой-то знаковый рубеж, чтобы обрести новое качество. Одним из первых шагов на этом пути должна быть отмена 6-й статьи Конституции. И, конечно, крайне актуальной стала тогда широкая разъяснительная работа по итогам XIX партконференции.

К концу 1980-х у нас с Петром Суминым наметились расхождения в оценке актуальной политики и экономики. Мы с ним и раньше спорили, но по-дружески, а тут появилась заметная трещина в личных отношениях, которая со временем разрослась в принципиальные разногласия. Я старался знакомить его с публикациями западных и наших прогрессивных экономистов, убеждать в преимуществах рыночной экономики, демократи-

С Борисом Ельциным. Челябинск, 1994

ческих принципов управления, в важности политической конкуренции и т.д. Но, честно говоря, мало преуспел в этих начинаниях, хотя сам в процессе такой работы еще больше понимал, что плановая экономика объективно исключает возможность дальнейшего качественного развития страны. И что особую опасность представляет избыточная милитаризация экономики...

Я полагаю, что и Политбюро ЦК КПСС, и советское правительство в эти годы вполне отдавали себе отчет в необходимости корректировки стратегического курса, но никто не мог взять на себя ответственность назвать вещи своими именами и изменить государственную политику. Горбачев до последнего держался за некий «социализм с человеческим лицом»: жилья в два раза больше, производительность труда — в 2–3 раза... Пожелания, конечно, благие — но не было никакой основы для их реализации.

Что оставалось народу? С начала восьмидесятых годов продукты отпускались по талонам. Символ «потребительской корзины» — вареная колбаса с наполнителем — 500 граммов в месяц! И сейчас еще многие вспоминают 1991 год: такие-то были доходы, такой-то потенциал! 25 талонов на предметы первой необходимости и продукты питания: начиная с черного троюточного мыла и заканчивая бутылкой водки. И дикие, бесконечные очереди. Страна тотального дефицита!

В более или менее резкой форме об этом писали уже упомянутые Николай Шмелев, Отто Лацис, Игорь Клямкин, а еще академики Леонид Абалкин и Николай Петраков. Большинство из них пересматривали свое социалистическое мировоззрение, но молодой Егор Гайдар и более зрелые Гавриил Попов и Юрий Афанасьев выступали именно как рыночники и демократы с самых первых своих публикаций.

Девяносто первый — время сплошных неплатежей. Никто не хотел платить по своим обязательствам, не перечислялись налоги, бюджет не наполнялся, государство погрузилось в долги. В Челябинске в конце 1991-го вместо 500 тонн молочных продуктов в день в торговую сеть стало поставляться на порядок меньше! Закончились комбикорма. Скотину кормить нечем. В отдельных хозяйствах дошло до того, что свиньи стали жрать друг друга. Однажды мне удалось уговорить Москву, и несколько эшелонов с комбикормами завернули в Челябинскую область, кажется, вместо Башкирии...

Михаилу Горбачеву не удавалось справиться с намеченными преобразованиями — это стало очевидно буквально для всех. У меня были сомнения и в реальных возможностях ключевых фигур в окружении Бориса Ельцина. Хотя сам президент России резко выделялся на фоне прочих крупных руководителей страны своей заряженностью на кардинальные реформы.

Но зато у меня не было никаких сомнений и никакого выбора 19 августа 1991 года. В тот памятный понедельник на площадь Революции вышли тысячи челябинцев, чтобы поддержать президента России, выступившего против ГКЧП. И я, будучи с апреля 1990 года избранным председателем Челябинского городского Совета народных депутатов, вышел на трибуну и однозначно заявил о невозможности реставрации коммунистических порядков, о необходимости поддержать демократические преобразования в стране...

Я был глубоко убежден в своей правоте! Правда, в августе 1991-го еще не просматривались четкие, проработанные концепции и алгоритмы политических и экономических реформ. Да, я очень внимательно следил за тем, что набравалось несколькими группами экономистов по заданию правительства... Но в самом начале пути невозможно было предвосхитить дальнейший ход истории.

28 октября 1991 года на V Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин выступил с программной речью. Основные положения его выступления, касающиеся принципов экономической реформы, были подготовлены Егором Гайдаром, который 6 ноября был назначен заместителем председателя правительства РСФСР Б. Н. Ельцина, взявшего на себя все политические и экономические риски. Я был знаком с работами и взглядами Гайдара, представлял возможный вектор реформ на первом этапе и был готов к серьезной работе... **БК**